

УДК 81'372.2(161.1):93

ЭККЛЕЗИОНИМИЯ ДИЛОГИИ ИВАНА ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И «БОГОМОЛЬЕ»

© 2020. Е.С. Синенко

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

Употребление названий культовых сооружений в художественном произведении – новый аспект изучения экклезионимии. На материале романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» И.С. Шмелева анализируются онимы этого разряда. Экклезионимы в произведениях И.С. Шмелева не только служат для обозначения места, где разворачиваются события, но и “работают” на их стилистику и поэтику, придавая тексту ярко выраженную православную эстетику.

Ключевые слова: экклезионим, экклезионимия, поэтика.

Новизна проблемы – употребление названий культовых сооружений в художественном произведении – ставит перед исследователем задачи не столько выявления такого материала в языке художественной литературы, сколько выработки методики изучения поэтики онимов этого разряда. Так, в статье «Экклезионимы и их характеризующие определения в творчестве А.С. Пушкина» Л.Н. Гуковой и Л.Ф. Фоминой предпринята попытка наряду с историко-лингвистическим анализом названий храмов (*Петропавловский собор* в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга, *колокольня Ивана Великого* и др.) и монастырей (*Александро-Невская Лавра*, *Троице-Сергиева Лавра*, *Ипатьевский монастырь* и др.) определить авторское отношение к указанным объектам через рассмотрение характеризующих определений как средства создания художественного эффекта. Авторы приходят к выводу, что названия православных сооружений интересны «как маркеры того пространственного диапазона, где разворачиваются изображаемые писателем события», а их художественные характеристики, представляющие индивидуально-авторское восприятие этих объектов, «экспрессивно-выразительны, возвышенны и поэтичны или содержат скрытую образность, выявляемую при целостном художественно-интерпретационном подходе» [1].

Для анализа мы выбрали роман «Лето Господне» и повесть «Богомолье» И.С. Шмелева. Эти произведения содержат богатый материал для изучения экклезионимии, т. к. повествуют о жизненном укладе православной России рубежа веков. Характеризуя роман «Лето Господне», Ильин называет его лирической поэмой о встрече «мироосвящающего православия с разверстой и отзывчиво-нежной детской душой», которая превращается в эпическую поэму «о России и об основах ее духовного бытия» [2, с. 177]. Описание «святой Руси» через детское мировосприятие находит продолжение и в «Богомолье».

Экклезионимы в текстах произведений встречаются в двух формах. Во-первых, это неофициальные, разговорные варианты наименований, которые автор вложил в прямую речь героев произведений и маленького Ивана, от чьего имени ведется повествование в дилогии: «Все соборы собрались, *Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван-Великий, Золота Решетка...*» [6, с. 14], «Звонкают и цепляются хоругви: *от Спаса в Наливках, от Марона-Чудотворца, от Григория Неокессарийского, Успения в Казачьей, Петра и Павла, Флора-Лавра, Иоакима и Анны*» [6, с. 93], «Вон на

горку подняться – как на ладоньке вся *Троица*» [5, с. 41], «*В Вифанию-то свезу!.. к Черниговской прикажите, купцы!*» [5, с. 55].

В состав разговорных вариантов входят:

1) отагионимная часть, представленная именем святого/святых: *от Трифона-мученика* [6, с. 104], *под горкой, у Константина-Елены* [6, с. 17], *от Соловецких Угодников* [6, с. 122], *у Ивана-Воина* [6, с. 152], «*В голубой башенке – Великомученик Пантелеймон*» [5, с. 17], «*успел побывать у Саввы Преподобного*» [5, с. 41];

2) отэортонимная часть, выраженная в большинстве случаев названием христианского праздника: «*Муха на Успенский села*» [6, с. 182], «*А где же Чудов?*» [6, с. 182], «*Успенский, Благовещенский, Архангельский... Ах и хорошие же соборы наши... душевные!*» [5, с. 17];

3) отыконимная часть: «*ушел к Казанской*» [6, с. 42], «*А сейчас он у всенощной в Донском*» [6, с. 90], «*Иверская открыта*» [5, с. 17], «*к Черниговской кого за полтинник?*» [5, с. 56];

4) наряду с посвящением, указание на месторасположение храма: *у Николая-Чудотворца, у Каменного Моста* [6, с. 14], *Спас-на-Бору* [6, с. 14], «*у Николы-на-Угреши я побывал*» [6, с. 197], *дьякон от Спаса в Наливках* [6, с. 128], *у Марона, на Якиманке* [6, с. 155], *от Троицы-Шаболовки, Успения в Казачьей* [6, с. 202];

5) апеллятив, указывающий на какую-либо отличительную черту, например, *Золота Решетка* [6, с. 14], так именуется *Собор Спаса Нерукотворного Образа*, или *Спас за Золотой решёткой* (уточнение *за Золотой решёткой* получил, т. к. храм отгораживала от улицы кованая медная решётка, покрытая сусальным золотом); «*тыщи с-под Девичьего навалются*» [6, с. 40] (*Новодевичий Богородице-Смоленский монастырь* посвящен *Смоленской иконе Божией Матери «Одигитрия»*, однако официальное его название вытеснено отапеллятивным именем, указывающим на состав его обитателей).

Еще одна группа представлена контаминированным именем: «*золотится Иван Великий*» [6, с. 17] (*Иван* – от посвящения храма в честь святого *Иоанна Лествичника*, *Великий* – отапеллятивное название, указывающее на отличительную черту храма-колокольни, высота которого составляла 81 метр), «*идем к Троице-Сергию*» [5, с. 15] (вариант, образованный путем соединения официального названия обители – *во имя святой Троицы Живоначальной* и наименования по имени основателя монастыря – *преподобного Сергия Радонежского*).

Во-вторых, это полуофициальные, нейтральные варианты, в состав которых входит номенклатурный термин: «*в Архангельском Соборе почивают*» [6, с. 14], *у Храма Христа Спасителя* [6, с. 17], «*то Симонов монастырь, старинный!..<...>Девичий монастырь это*» [6, с. 41], «*Отец в Донской монастырь поехал*» [6, с. 92], *Вознесенского монастыря* [6, с. 93], *церкви Николы на Берсеневке* [6, с. 93], *от Страстного монастыря* [6, с. 104], *в Успенском соборе, в Кремле* [6, с. 129], *под храмом Василия Блаженного* [6, с. 150], «*его домина как раз супротив Зачатьевского монастыря, в тупичке*» [6, с. 168], «*наклеена картинка – "Троице-Сергиева лавра"*» [5, с. 2], *часовня Николая Чудотворца, у Каменного моста* [5, с. 16], «*На память о Лавре Сергия Преподобного*» [5, с. 64], *в соборе Троицы* [5, с. 71], *в Вифанском монастыре* [5, с. 72].

В отдельных экклезионимах номенклатурный термин и посвящение культового сооружения «срастаются» в единое целое, образуя вариант употребления имени, характерный для разговорной речи: «*плотину у храм-Спасителя перешивают*» [6, с. 33], «*на Иван-Великую колокольню лазили*» [6, с. 155], «*показывает на колокольню-Троицу*» [5, с. 52].

Основная функция экклезионимов в произведениях указательно-локализирующая: «*наши все в Вознесенском монастыре*» [6, с. 9], «*А сейчас он у всенощной в Донском, и*

Горкин тоже» [6, с. 90], *от Страстного монастыря, от Зачатьевского, от Вознесенского из Кремля* [6, с. 104], «Трезвонят у Казанской, у Ивана–Воина» [6, с. 152], «А она на церковном дворе живет, у Марона, на Якиманке» [6, с. 155], «Стали приходиться батюшки: о. Виктор, еще *от Иван–Воина*, старичок, *от Петра и Павла, с Якиманки, от Троицы–Шаболовки, Успения в Казачьей*» [6, с. 202], «*В монастыре, у Троице-Сергия*, три дня кормят задаром всех бедных богомольцев» [5, с. 20], «*Извозчики у гостиницы предлагают свезти в Вифанию, к Черниговской*» [5, с. 60], «*от Спаса-в-Наливках* дьякон, которого встретили мы *под Троицей*» [5, с. 65], «*В соборе Троицы* мы молимся на старенькую ризу Преподобного» [5, с. 71], «*В Вифанском монастыре, в церкви, – гора Фавор!*» [5, с. 72].

Отметим некоторые особенности употребления экклезионимов в каждом из указанных произведений.

В романе «Лето Господне» немаловажную роль играют церковные постройки для создания образа православной Москвы, поэтому осознанное знакомство маленького Ивана с городом, с Кремлем осуществляется через указание на наиболее значимые для православного человека городские ориентиры – соборы, монастыри, церкви и т. д. и их описание: «Гляди, Кремль-то наш, нигде такого нет. Все соборы собрались, *Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван-Великий, Золота Решетка...*» [6, с. 14]. При описании церковных сооружений для создания красочного «игрушечного», по выражению героя произведения, облика Москвы экклезионим употребляется в сочетании с определением, называющим цвет культового объекта: «Я вижу всю *игрушечную* Москву, а над ней золотые крестики.

- Вон *Казанская* наша, башенка-то *зеленая!* – указывает Горкин. – А вон, возля-то ее, *белая-то...* *Спас-Наливки. Розовенькая, Успенья Казачья...* <...> *Риз Положение...* а за ней, в пять кумполочков, *розовый-то...* *Донской монастырь* наш<...> А под нами-то, за лужком... *белый-красный...* *кака колокольня-то с узорами, с кудерьками, а?! Девичий монастырь* это. *Кака Москва-то наша..!*» [6, с. 41]. Или же описание города по дороге на яблочный рынок: «Едем по пустынной Якиманке, мимо *розовой церкви Ивана Воина*, мимо виднеющейся в переулке *белой – Спаса в Наливках*, мимо *желтеющего* в низочке *Марона*, мимо *краснеющего* далеко, за Полянским Рынком, *Григория Неокессарийского*. И везде крестимся» [6, с. 46].

В повести «Богомолье» описано посещение персонажами произведения, среди которых главное место принадлежит маленькому Ивану, одного из самых почитаемых монастырей – Троице-Сергиевой Лавры. Интерес вызывает образ *Троицы*, которая предстает в трех ипостасях: *колокольня-Троица, собор Троицы и Лавра-Троица*.

В начале повествования маленький герой повести слышит, как Горкин, его наставник, просит отпустить его «к *Сергию преподобному* сходить помолиться» [5, с. 1], видит под крышкой сундучка картинку «*Троице-Сергиева лавра*», узнает, что и отец не против поехать в монастырь, т. к. давно не был у *Троицы*, а потом начинаются сборы к *Троице-Сергию*. По дороге мальчик слышит разговоры взрослых о Троице, но «какая она, Троица» не имеет четкого представления, поэтому создает собирательный образ из того, что ему, ребенку, известно о Троице – большая церковь с иконой «Троица», расположенная далеко в лесу: «... *какая она, Троица? Золотая и вся в цветах? Будто дремучий бор, и большая-большая церковь, и над нею, на облачке, золотая икона – Троица*» [5, с. 42]. Подходя к обители, когда все богомольцы «вздыхают и ахают, поминают Троицу», Иван не видит ее, так как его воображаемый образ не совпадает с тем, что открывается перед ним: «Я спрашиваю – да где же *Троица?!* Горкин не слышит, крестится. Антипушка говорит:

— Да вон она, вся тут и есть *Троица!*» [5, с. 44].

Первым возникает образ *колокольни-Троицы*. На пути в обитель маленький Иван узнает, что с Поклонной горы, называемой «у Креста», в ясный день видно *Троицу*: «стоит над борами колокольня, как розовая свеча пасхальная, и на ней огонечек – крестик» [5, с. 36]. Поэтому «у Креста» он ищет «колоколенку – розовую свечу, пасхальную» [5, с. 41], а потом рассказывает отцу, что «видел сейчас свечу... розовую свечу, пасхальную<...>колоколенку – *Троицу*, – “как розовая свеча, пасхальная!”» [5, с. 41]. После того как ребенок увидел колокольню, образ изменяется: «розовая свеча пасхальная» трансформируется в «высокую розовую колокольню с сияющей золотой верхушкой» [5, с. 43–44].

Пожалуй, образ *колокольни-Троицы* является центральным. Из окон дома, где остановились богомольцы, на улице – везде Ваня наблюдает, как колокольня “смотрит” на них, “гуляет” с ними. К тому же, колокольня – это первый объект, входящий в комплекс Троице-Сергиевой Лавры, который попадает в поле зрения персонажей повести: «*Троицу* увидел? Я взбегаю и вижу...*Троица?*.. Блеск, голубое небо – и в этом блеске, в голубизне, высокая розовая колокольня с сияющей золотой верхушкой!» [5, с. 43–44] и далее: «Глядим – а меж лесочками, как раз где белая дорога идет, *колокольня-Троица* стоит, наполовину видно, – *будто в лесу игрушка*» [5, с. 46]; и она же – последнее, что герой видит, покидая пределы Лавры: «Видно между лесочками, позади, в самом конце дороги: стоит *колокольня-Троица*, *золотая верхушка* только, *будто в лесу игрушка*. Прощай!..» [5, с. 78]. *Розовая, высокая, с сияющей золотой верхушкой, будто в лесу игрушка* и, наконец, *великая* – вот определения, которые регулярно встречаем при упоминании *колокольни-Троицы*: «отовсюду видно *розоватую колокольню-Троицу*» [5, с. 47], «стал креститься на *розовую колокольню-Троицу*» [5, с. 52], «*высокая колокольня-Троица* смотрит из-за берез» [5, с. 54], «Над стенами – розово-белыми – синие, пузатые купола с золотыми звездами и *великая колокольня-Троица*» [5, с. 56].

По мнению Е.Г. Рудневой, благодаря «совмещению реального и духовного, преломленного сквозь детское восприятие», такие ключевые слова, как «розовая колокольня – Троица – свеча пасхальная – красная зорька», приобретают символическое значение в повести, «утверждая радость бытия и христианскую истину, православное представление о человеке и непрерывность культурной традиции» [4, с. 65].

Далее появляется в повести образ *Лавры-Троицы*. В отличие от наименования колокольни, представляющего из себя экклезионим-сращение, в составе которого посвящение (*во имя Троицы*) дублирует падежную форму номенклатурного термина (*колокольня*): *колокольня-Троица* (именительный падеж = именительный падеж), *на колокольню-Троицу* (винительный падеж = винительный падеж), *от колокольни-Троицы* (родительный падеж = родительный падеж), при назывании обители посвящение опускается и монастырь именуется как *Лавра*: «А тут уж и Посад виден, и *Лавра* вся открывается, со всеми куполами и стенами» [5, с. 46], «Кривую есть где поставить, и *от Лавры* недалеко» [5, с. 46], «Он ведет меня через площадь, *к Лавре*» [5, с. 57], «Валит народ *из Лавры*, валит и *в Лавру*, в воротах давка» [5, с. 63], «*в Лавру* сейчас идем» [5, с. 62], «*В Лавре* благовестят к вечерням» [5, с. 69] и т. п. Отмечается лишь три употребления экклезионима-сращения *Лавра-Троица*, два из которых относятся непосредственно к монастырю: «округ колокольни-то, за стенами... владение большое, *самая Лавра-Троица*» [5, с. 44] – знакомство Вани с окрестностями при подходе к обители, «Видно всю *Лавру-Троицу*: светит на нас крестами» [5, с. 78] – прощание с монастырем. А еще *Лавра-Троица* – это деревянная модель обители, которую главный герой видит в игрушечном ряду под стенами Лавры: «Всякое тут деревянное точенье: <...> И сама *Лавра-Троица*, высокая розовая колокольня, со всеми церквями, стенами, башнями, — разборная» [5, с. 77].

Определение *розовый*, помимо колокольни, относится и к монастырю: «*розовые* стены Лавры» [5, с. 54], «Вижу на картинке *розовую* Лавру» [5, с. 56], «*розовая*, утренняя Лавра весело блестит крестами» [5, с. 62], «Лавра весело золотится и нежно *розовеет*» [5, с. 75].

Розовому цвету придается особое значение в творчестве Шмелева, о чем пишут Т.В. Марченко, Е.Г. Руднева, О.С. Мерцалова. Действительно, это не только цвет стен Лавры и колокольни, но и цвет, символизирующий далекое прошлое, детские впечатления и мировосприятие. Главный герой, уже взрослый человек, «доныне видит, слышит и чувствует» былое. Эти воспоминания связаны с образом колокольни-Троицы, от которой идет свет, благодаря которому все видится в розовом: «кресты, подрагивающие блеском, церковки, главки, стены, блистающие стекла», его рубашка, «розоватый пиджак отца», «просфора на железной вывеске, розовато-пшеничная – на розовом длинном доме, на просфорной», «золотистые и розовато-бледные просфоры на чистых длинный столах», «розовые сучки на лавках и на столах», «воздух кажется розовым, и призывающий звон, и небо» [5, с. 64].

Сердцем Троице-Сергиевой Лавры является *Троицкий собор*, так как именно на его месте, как известно из истории, была воздвигнута Сергием Радонежским Троицкая церковь, которая дала начало обители и позднее стала ее соборным храмом. Упоминается *собор Троицы* реже, нежели колокольня и Лавра. Представляет он собой маленькую белую церковь, «с золотой кровлей и одинокой главкой». Однако именно она и есть, по словам героев повести, «*самая Троица, Троицкий собор*» [5, с. 58], «*самая Троица тут Живоначальная* наша... соборик самый» [5, с. 44], в котором хранятся мощи преподобного Сергия Радонежского, «его соборик», по выражению Горкина. Именно из-за того, что его мощи хранятся в Троицком соборе, его также именуют собором Преподобного: «Внизу люди кажутся мошками, а *собор Преподобного* – совсем игрушечный» [5, с. 71].

Отметим, что, Лавра также неоднократно называется по имени основателя обители преподобного Сергия Радонежского: «хочу вот к *Сергию преподобному* сходить помолиться» [5, с. 1–2], «И на дворе, и по всей даже улице известно, что мы идем к *Сергию преподобному*, пешком» [5, с. 8], ««Не к *Преподобному* ли изволите?» – и сами радостно говорят, что и они тоже к *Преподобному*, если Господь сподобит» [5, с. 20], «Дорога наша святая, по ней и цари к *Преподобному* ходили» [5, с. 31], «На память о *Лавре Сергия Преподобного*... приобретите для обиходца вашего, что позрится» [5, с. 64], «Примите благословение *обители Преподобного* на дорожку, для укрепления» [5, с. 76].

Наименование монастыря по имени его основателя характерно для русской экклезиологии. Такой способ именования носит неофициальный характер и типичен для разговорной речи православных. Так, у Шмелева встречаем: «успел побывать у *Саввы Преподобного*» [5, с. 41] (полное наименование – *Саввино-Сторожевский мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы*), «Навагу везут в Москву с далекого Беломорья, от *Соловецких Угодников*» [6, с. 122] (*Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь* носит неофициальное название *в честь преподобных Зосимы и Савватия*). В контексте произведения такой способ обозначения места паломничества позволяет читателю проникнуться мыслью, что богомольцы «идут в гости» к Преподобному. Происходит отождествление места со святым, чьи мощи там почивают.

Следует сказать и о мотиве «игрушечности», который имеет место в диалогии. Так, в романе «Лето Господне» рассматривая «всю *игрушечную Москву*», Ваня видит «золотой куполок *храма Христа Спасителя, игрушечного совсем*» [6, с. 41]. В «Богомолье» же этот мотив усиливается. В Сергиевом Посаде паломники ищут *игрушечника* Аксенова, который владеет «*игрушечным заведением*», чтобы

остановиться в его доме. Это рождает в душе маленького героя радость: «и Троица, и игрушки, и там-то мы будем жить» [5, с. 47]. Кроме того, у Троицы находятся игрушечные ряды – «игрушечное самое гнездо»: «от Преподобного повелось: и тогда с ребятенками стекались. Большим – от святого радость, а несмысленным – *игрушечка*: каждому своя радость» [5, с. 77]. Здесь же, в рядах, ребенок видит игрушечную Лавру-Троицу, в самой обители с высоты колокольни Троицкий собор кажется ему «совсем *игрушечным*», а встречает и провожает богомольцев колокольня-Троица – «будто в лесу *игрушка*». Таким образом, отмечается еще один ассоциативно-символический ряд: игрушка, игрушечный – Троица – радость – праздник.

Экклезионимы в произведениях И.С. Шмелева не только служат для обозначения места, где разворачиваются события, но и “работают” на их стилистику и поэтику, придавая тексту ярко выраженную “христианскую”, более того, православную эстетику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гукова Л.Н. Экклезионимы и их характеризующие определения в творчестве А.С. Пушкина [Электронный ресурс] / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина. – Режим доступа : <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/ligvistika/fominaigykova/> (дата обращения: 05.05.2020).
2. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев / И.А. Ильин. – Мюнхен :Типография Обители преп. Иова Почаевского Мюнхен—Оберменцинг, 1959. – 196 с.
3. Мерцалова О.С. Художественная объективация цветового восприятия в произведениях И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева 1920-1930-х гг. : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 01.01.01 «Русская литература» / О.С. Мерцалова. – Орел, 2007. – 22 с.
4. Руднева Е.Г. Магия словесного разнообразия / Е.Г. Руднева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – М. : АМАВЕСТ, 2002. – № 4. – С. 60–65.
5. Шмелев И.С. Богомолье [Электронный ресурс] / И.С. Шмелев. – Режим доступа : <https://librebook.me/bogomole> (дата обращения: 05.05.2020).
6. Шмелев И.С. Лето Господне [Электронный ресурс] / И.С. Шмелев. – Режим доступа : <http://www.wco.ru/biblio/books/shmelev2/Main.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

Поступила в редакцию 06.05.2020 г.

THE ECCLESIONYMY IN DILOGY *LETO GOSPODNE AND BOGOMOLYE* BY IVAN SHMELYOV

E. S. Sinenko

The use of names of cult buildings in fiction is a new aspect in studying ecclesionymy. This type of onyms is analyzed on the basis of the novel *Leto Gospodne* and the novella *Bogomolye* by Ivan Shmelyov. Ecclesionyms in Ivan Shmelyov's works do not only name the places, where the action is set but also render the author's stylistic and poetic message adding up to the pronounced Orthodox aesthetics of the text.

Key words: ecclesionym, ecclesionymy, poetics.

Синенко Екатерина Станиславовна.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР».

Старший преподаватель кафедры русского языка и иностранных языков.

E-mail: sinenko.ye@yandex.ru

Sinenko Ekaterina Stanislavovna.

Donetsk Academy of Internal Affairs of Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic.

Senior Lecturer of Russian and Foreign Languages Department.

E-mail: sinenko.ye@yandex.ru